

На берегу Сухоны...

При жизни Николая Рубцова вышло всего четыре небольших сборника, но голое поэта сразу нашел отклик у читателей. Настоящее же и большое признание пришло уже после смерти Рубцова.

Он рано потерял родителей, прошел через трудное военное детство. В литературе упорно искал свой путь, отстаивая индивидуальность. «Казалось, судьба делала все, чтобы этот человек утратил чистоту души, ожесточился на окружающий мир, потерял веру в доброту и совесть. Горе, невзгоды, незаслуженные обиды довели его испытать сполна. А он — выдюжил, любил жизнь, природу, народ, до самоубийства любил Родину» — писал о

Рубцове Ю. Прокушев.

Поэт ушел из жизни молодым, но без созданного им уже трудно представить развитие русской советской поэзии. И с годами все шире становится круг почитателей его таланта, приходит более глубокое понимание его лирики, истоки которой в ее народности. Благодарность за эту способность «высекать огонь из слова», память народная потребовали материализации... И тогда вологодские писатели, представлявшие местную общественность, обратились к известному московскому скульптору В. Клыкову с просьбой воссоздать образ Н. Рубцова. По существующему распорядку подобная просьба может классифицироваться

как частный заказ (к тому же не подкрепленный никакими материальными обязательствами). По сути это было проявлением народной инициативы, которая, пробудившись, зовет к активному действию. И скульптор откликнулся, восприняв эту просьбу как долг памяти поэта, вышедшего из народа и — теперь уже ясно — оставшегося в его духовном наследии. Так, на родине Рубцова, в одном из далеких уголков России, была поставлена скульптура.

Редакция попросила С. Куныев, присутствовавшего на ее открытии, и автора работы В. Клыкова рассказать об этом событии.

С. КУНЯЕВ

В послевоенное время в моей зеленой полуразрушенной Калуге, недалеко от нашего дома, находилась скульптурная фабрика. Размещалась она в ограде бывшей церкви, и я по пути на реку, к золотым окским пляжам всегда останавливался возле нее. С чувством некоего таинственного приобщения к особому миру фигур, загромождавших бывший церковный двор, я глядел через чугунную ограду на мощные торсы дискоболов, на гипсовые фигурки пионеров, на очень изящные, как мне тогда казалось, статуи женщин с веслами... Все они потом расселись по районным центрам, выросли в нашем Центральном парке культуры и отдыха, в маленьких городских скверах и на площадях.

...Теперь я понимаю, что это, конечно же, были весьма непритязательные гипсовые временки, но, даже понимая это, я хочу сказать несколько слов в их защиту. Каждому времени — свои песни, свои книги и своя скульптура. В этих убогих гипсовых стандартных фигурах жила помимо однообразия и некая глубина и правда нашего времени, осознававшего свое величие и спешившего кое-как, даже в условиях послевоенной разрухи, наспех хотя бы, это величие зафиксировать. И вот сейчас, глядя на полуразрушенные, отжившие свой срок фигуры, установленные в те годы, на темные подтеки на цементе и гипсе, на куски ржавой арматуры, торчащие из какой-нибудь культи, я думаю: все-таки от этих рудиментарных и стандартных останков массового искусства эпохи вест еще и аскетизмом, и бедностью, в целом даже мысли о каких-то общественных идеалах, величавых и не до конца осуществленных, но несомненных, возникает у меня при виде этих рассыпающихся от времени статуй... «Нет ничего более вечного, чем временные

сооружения». Я понимаю и условность, и правду этого афоризма. Да, гипс разваливается. Но идеи, прямо и, наоборот, порой примитивно воплощенные в нем, останутся вечными, в них была своя правда. Видимо, поэтому в начале 70-х годов я написал такие стихи на крашеной скамейке в нашем городском парке:

Вот почему, взглянув из мглы
на веки мировой культуры,
я вам скажу, что мне милы
шедевры гипсовой скульптуры.
Они мне больше говорят
о таинствах судьбы и славы,
чем выстроившиеся в ряд
цари и боги из Эллады.
Я вам напомню: два вождя
сидят в провинциальном парке,
и лебедь, темный от дождя,
плывет, уплыл, уже на свалке...
Я вам напомню: мощный бюст
дважды героя из Калуги —
и столько возникает чувств
под ропот среднерусской вьюги...
А пионер, трубящий в горн,
вновь побеленный к Первомаю.
Взгляну на них и всем нутром
свою эпоху понимаю.
Да будет вечен этот гипс,
его могучая фактура!
Вот дискобол: плечо и диск,
а между ними арматура...

Очень прошу читателя понять, что в этом отрывке есть и благословение тому времени, и грустная пророчия, и вера в то, что оно, как могло, выполняло свой долг перед будущим... Но вся эта преамбула нужна мне вот для чего. Во-первых, для того, чтобы сказать: я не равнодушен к такому жанру искусства, как скульптура, ибо она всегда в своей монументальности отражает главные, иногда подспудно живущие в обществе идеи. А во-вторых, переходя к разговору о памятнике Рубцову, хочу высказать такую мысль. В аскетические довоенные и послевоенные времена наша скульптура выражала как бы самые общие идеи и потому была столь однообразна. Тогда она играла либо украшательско-прикладную роль, либо пропагандистскую. Мы не могли позволить себе — и

средств не хватало да и самосознания такого еще не было, — чтобы какой-нибудь маленький городок решил поставить памятник своему знатному земляку, своему герою, воину, поэту, памятнику, присущий только этому городку, этой малой родине знаменитого человека. Такое время во всей своей объемности наступило лишь через несколько десятилетий, и лишь поэтому стало возможным создание скульптуры Николаю Рубцову в маленьком северном городке Тотьма на высоком берегу реки Сухоны...

У Николая Рубцова есть два пророчества: «Я умру в крещенские морозы» и «Мне поставят памятник на селе...» Оба они оправдались. Памятник ему мы открывали в сентябре 1985 года. Это событие как бы венчало трехдневные народные празднества в его честь. Не часто земляки балуют русских поэтов таким высоким образом. Вспомним хотя бы, что первый памятник Есенину в Рязани был воздвигнут лишь через полвека после его смерти. Как тут не поклониться вологжанам и тотьмичам! Несмотря на дождь, людей собралось множество, и пока организаторы торжества заканчивали последние приготовления, море зонтиков, шалей, беретов сгрудилось вокруг скульптуры, затянутой белым покрывалом.

Когда настало время открытия, я и поэт Анатолий Передреев вышли из толпы, я потянул за шнур, покрывало медленно поползло вниз, обнажая голову и плечи уже не Коли Рубцова, а кого-то другого, отделившегося от нас и ушедшего в царство русской поэзии, в мир памяти... Он сидел на скамье в пальтишке, накиннутом на плечи, пога на ногу, руки с переплетенными пальцами покоились на колене... Высокий лоб, глубокие глазницы.

В. Клыков.
Н. М. Рубцов.
Гипс тон. 1985. г. Тотьма.

